

Что касается выбора того или иного способа перевода неологизмов, то он зависит, к тому же, от многих субъективных факторов, таких как, например, личность переводчика, его опыт, интеллект, способность оперировать абстрактными понятиями, обстановка во время процесса перевода, а также от стиля текста (публицистический, научный, художественный и т.д.), стиля конкретного автора и пр. Однако, прежде всего, необходимо стремиться к тому, чтобы эквивалент неологизму ИЯ (английского языка) в максимальной степени отвечал нормам и правилам языка перевода (русского языка).

РЕЦЕПЦИЯ ПЕСНИ ПЕСНЕЙ В «СВЯЩЕННЫХ СОНЕТАХ» ДЖОНА ДОННА

Д. С. Довгополук

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

А. Ахматова

Эти строки русской поэтессы Анны Ахматовой, вероятно, говорят о том, что каждый, кто хоть раз прочитал Песнь Песней, эту загадочную библейскую поэму, несомненно, захочет еще раз вернуться к ней и перечитать строки, наполненные страстной чувственностью, пылающей любовью, благоуханием, чистейшей нравственностью и гармонией. Поэтому неудивительно, что образность и стилистика Песни Песней оказали огромное влияние на литературу и философию последующих эпох. Язык этой библейской поэмы своеобразно преломляется и в мистической философии и поэзии XVII века.

Цель данной работы – исследовать рецепцию Песни Песней в английской поэзии XVII века, в частности в позднем творчестве великого поэта-метафизика Джона Донна. Его поэзия – явление столь же грандиозное, сколь и загадочное. Исследователь А. Н. Горбунов верно замечает, что «стихи Дж. Донна не умещаются в рамках готовых определений и словно нарочно дразнят читателя своей многозначностью, неожиданными контрастами и поворотами мысли, сочетанием трезво-аналитических суждений со всплесками страстей, постоянными поисками и постоянной неудовлетворенностью» [1, с. 7].

Новое обращение Донна к Песни Песней связано с его обращением к мистической тайне Богостроительства Церкви в 1610-х годах. Поэт показывает взаимодействие личного и «общего»: и церковное движение к Богу, и мистический союз человеческой души и Христа. Особенно ярко это проявляется в «Священных сонетах» Донна. Он не обращается напрямую к известным библейским сюжетам, а тем более к сюжету Песни Песней.

Влияние этой библейской поэмы обнаруживается только на уровне сложной символики и метафорики. Первые шестнадцать сонетов цикла, скорее всего, являются свидетельством духовного кризиса, из которого поэт старается найти выход. Между Богом и лирическим героем сонетов лежит огромная пропасть. Однако Донн говорит и тотальной греховности, и о выходе человеческой души из этого кризиса. Путь очищения, по мнению поэта, лежит через необходимость мистического брака между священником и Церковью, а также через единение человеческой души с Небесной Церковью (Христом). Концепция Церкви как всемирной иерархии, соединяющей живых и умерших, небеса и землю – одна из основ мироздания, которую Донн раскрывает в своем творчестве.

Непосредственное влияние Песни Песней мы видим XIV сонете, который начинается с обращения к Триединому Богу:

Batter my heart, three-personed God, for you
As yet but knock, breathe, shine, and seek to mend;
That I may rise, and stand, o'erthrow me, and bend
Your force to break, blow, burn, and make me new. [2, с. 170].

(«Разбей мое сердце, Триединый Бог; ибо Ты, // Все еще **стучишься, дышишь, сияешь**, ища, как бы улучшить [меня], // Дабы я мог подняться и стоять: о, сокруши меня и приложи // Свою силу, чтобы **разбить, раздуть [пламя], сжечь** меня и создать меня заново». – Подстрочный перевод здесь и далее наш. – Д. Д.).

Получается, поэт говорит, что Бог «стучался, веял, сиял». Очевидно, этот ряд глаголов как-то связан с ликами Троицы. «Веял» – несомненно, о Духе. Но тогда что будет соответствовать двум другим ипостасям? Исследователь А. В. Нестеров по этому поводу пишет: «Глагол «to knock» встречается лишь в нескольких местах английского перевода Писания» [4]. В Песни Песней возлюбленная говорит: «I sleep, but my heart waketh: it is the voice of my beloved that knocketh, saying, Open to me, my sister, my love, my dove, my underfield» («Я сплю, но сердце мое не спит... // Голос милого – он стучится: // «Отвори мне, моя милая, моя сестра, // моя нетронутая, моя голубка» (*Песн П 5:2* [5, с. 632]; перевод здесь и далее И. М. Дьяконова). Здесь мы, действительно, встречаем и интересующий нас глагол, и упоминание сердца.

Возникновение такой символики говорит о влиянии на Донна аллегорического и мистического прочтения Песни Песней, возникшего еще в иудейской традиции: Невеста символизирует общину Израиля или душу каждого человека, а Жених – Бога. В христианской же интерпретации под Женихом-Возлюбленным понимается Иисус Христос, а под Возлюбленной-Невестой – Церковь или душа отдельного человека. Несомненно, именно этот образ и присутствует в начале сонета. Более того, если ассо-

циация Донна не была задана им изначально, то с этого момента ее появление подсознательно направляет все развитие текста сонета. Пока же остановимся на том, что глагол «стучать» соответствует Сыну, а «сиять», тем самым, – Отцу.

В первом катрене «Сонета XIV» мы видим, что отношения между душой и Господом – отношения Невесты и Жениха. Господь взывает к душе, но та не слышит Зовущего. И Богу приходится призывать смерть, чтобы грешник услышал Его. Для более верного понимания этого сонета стоит обратить внимание на проповедь Донна, прочитанную над телом усопшего Иакова I. Ее темой стал стих Песни Песней: «Выходите-ка девушки, на царя Соломона поглядите // На венец, которым мать его в день свадьбы венчала, // В день радости сердца» (*Песн II 3:11* [5, с. 630]). Донн говорит: «И хотя ныне – день развода, отнимающий у нас короля, – развода, разделившего тело монарха и душу, ни тот, ни другой развод не способны разрушить Брак: душа короля обручена Тому, Кто сотворил ее; душа и тело встретятся вновь, как встретимся и все мы – облеченные славой, – и тогда все мы познаем, что нет иного пути к Браку сему, иначе, как через развод, нет пути к Жизни иначе, чем через смерть» (пер. А. В. Нестерова, цит. по: 4). Метафора развода, использованная в проповеди, тождественна метафоре в сонете, который мы рассматриваем. Поэтому можно утверждать, что именно Песнь Песней задает образную систему последнего. И если Душа – это Невеста, то тогда Смерть – это воин, который подчиняет ее себе насилем. Отсюда и возникает эротическая образность. А пребывание в могиле вплоть до Судного дня, видимо, нужно рассматривать как пребывание в плену. Тогда Смерть здесь является своеобразным узурпатором.

Таким образом, мы видим в «Сонете XIV» сквозную разработку единой метафоры: душа (невеста Господня) обречена, сдаться воину-узурпатору, а ее освобождение и истинное соединение с Возлюбленным возможно лишь после смерти. «Донновский текст, – пишет А. В. Нестеров, – четко следует логической структуре, свойственной сонету как жанру: тезис – антитезис – синтез, однако сама эта структура осознается читателем только в случае понимания им образной системы, ориентированной на библейские аллюзии и современную Донну теологию» [4].

Наиболее ярко и открыто символика Песни Песней представлена у Донна в XVIII «Священном сонете», где мы ощущаем контраст Небесной Церкви и ее столь далекого от идеала земного воплощения. В первой строке сонета содержится просьба героя-автора и вместе с тем героя – обобщенного человека: «Show me dear Christ, thy spouse, so bright and clear» [2, с. 178]. («Покажи мне, дорогой Христос, свою супругу, такую сияющую и чистую»). Под Невестой (thy spouse) Донн, несомненно, подразумевает истинную (Небесную) Церковь. В конце сонета автор

говорит: «Betray, kind husband, thy spouse to our sights» [2, с. 178]. («Открой, Благой Жених, свою невесту нашим взорам»). Поэт, прежде всего здесь обращается к Христу. Возникновение такой символики, как уже упоминалось выше, говорит о влиянии аллегорического прочтения Песни Песней. Сонет наполнен противоречиями, представляющими собой наиболее свойственные человечеству причины отделения себя от церковной жизни.

Замысел сонета, и всего цикла в целом, ставит целью размышление о таинственном нисхождении Благодати в страдающую душу. Последние строки сонета звучат следующим образом:

And let myne amorous soule court thy mild Dove,
Who is most trew, and pleasing to thee, then
When she's embraced and open to most men. [2, с. 178].

(«И позволь моей влюбленной душе ухаживать за твоей Голубкой, // Самой верной и угодной тебе, // Когда она доступна и открыта многим»).

Эти строки говорят о том, что герой достигает достаточно высокой ступени миропонимания, чтобы осознать, что без дара благодати индивидуальный поиск невозможен. Не случайно образ «Mild Dove» может быть отнесен как к самой Вселенской Церкви, так и к Святому Духу (Руах га-Кодеш), который в древних текстах ТаНаХа (Ветхого Завета) предстает в виде Голубки, ибо Руах га-Кодеш на иврите женского рода. Следовательно, Руах га-Кодеш можно рассматривать, как женскую душу (Невесту). Но это, несомненно, и аллюзия на Песнь Песней: «Отвори мне, моя милая, моя сестра, // моя нетронутая, моя *голубка*» (Песн П 5:2 [5, с. 632]). Это еще раз доказывает, что автор сонета сознательно отсылает читателя к этой книге, чтобы показать, что только истинная любовь ведет к Богопознанию и очищению души.

Итак, концепция Церкви и мистического брака между земной и Небесной Церковью, между человеческой душой и Христом в лирике Донна выступает не столько как эволюционное изменение, сколько как постепенное раскрытие того, что было заложено изначально. И. И. Магомедова замечает, что «признание необходимой церковности религиозного сознания через истинную любовь к Богу, как Жениху или Супругу, неизменно присутствует на всем протяжении творческого пути поэта. Проявленные в поздней лирике мистические аспекты Церкви можно проследить не только в цикле «Священные сонеты», но и в ранних произведениях Донна» [3]. Влияние символики и метафоры Песни Песней на творчество Донна несомненно, т.к. именно на языке этой библейской поэмы можно глубоко поэтически и лаконично высказать необходимость постижения Бога, Который ждет ответной любви от каждой человеческой души.

Литература

1. Горбунов А. Н. [Вступ. статья] // Английская лирика первой половины XVII века. М., 1989.
2. Донн Дж. Английский сонет XVI–XVII вв. / на англ. яз. с параллельным рус. текстом. СПб., 2001.
3. Магомедова И. И. Благочестивая лирика Дж. Донна в интеллектуальном и поэтическом контексте: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.03. – М., 2004 // <http://metpoetry.newmail.ru/donne%20%20essays.htm>.
4. Нестеров А. В. Теология сквозной метафоры (К вопросу о целостной интерпретации «Сонета XIV» из цикла «Благочестивые сонеты») // Anglistica. Сборник статей по литературе и культуре Великобритании. Вып. 8 / Отв. ред. И. О. Шайтанов. М.; Тамбов, 2000 // <http://metpoetry.newmail.ru/donne%20-%20essays.htm>.
5. Песнь Песней / Пер. И. М. Дьяконова // Поэзия и проза Древнего Востока. М, 1973.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ИСКОРЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

И. В. Жаркевич

Когда муж бьет жену, совершенно очевиден случай межличностного насилия, но когда миллион мужей продолжают бить миллион жен, это уже – структурное насилие.

Йохан Галтунг, «Насилие, мир и исследования мира», 1969

То, что насилие в отношении женщин носит структурный характер подтверждается целым рядом исследований. Совет Европы назвал домашнее насилие в качестве основной причины смерти и инвалидности женщин в возрасте от 16 до 44 лет: от него погибнет и утрачивает здоровье больше женщин, чем от рака или дорожно-транспортных происшествий. В соответствии со статистикой из Канады, 61 % погибших женщин были убиты своими партнерами, в то время как аналогичный показатель для мужчин составляет 8 %.

При этом исследователи феномена гендерного насилия отмечают две характерные его особенности: во-первых, насилие в отношении женщин является глобальным феноменом, изменяются лишь формы насилия, его частота и интенсивность в зависимости от различий социо-культурного контекста; во-вторых, насилие в отношении женщин является одним из самых повсеместно распространенных и социально терпимых нарушений прав человека.

Однако международное и национальные сообщества долгое время отказывались рассматривать насилие против женщин как общественное явление и как нарушение прав человека, телесной неприкосновенности женщины. К нему относились как проблеме межличностного общения,